

Вторым проблемным направлением взаимодействия является исполнение поручений следователя.

В соответствии с ч. 7 ст. 36 УПК Республики Беларусь следователь вправе давать обязательные для исполнения поручения о производстве ОРМ, следственных и других процессуальных действий. Причем норма права сформулирована таким образом, что следователь может поручить любое следственное либо процессуальное действие органу дознания. В результате этого на практике имеют место факты, когда следователи, пользуясь данным правом, откровенно им злоупотребляют и фактически перекалывают свою работу на оперативных сотрудников, что, по нашему мнению, недопустимо.

В этой связи законодательно необходимо закрепить условия, обуславливающие целесообразность дачи оперативным подразделениям поручений о производстве ОРМ, следственных и других процессуальных действий (поручения о производстве ОРМ должны остаться обязательными для исполнения, так как кроме оперативных сотрудников никто иной их провести не может). Что касается следственных и иных процессуальных действий, то такими условиями могут быть необходимость одновременного проведения нескольких следственных и иных процессуальных действий, требующих больших трудовых и материальных ресурсов (например, одновременное проведение нескольких обысков, арестов на имущества и др.), а также необходимость одновременного проведения следственных действий и ОРМ (например, проведение ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» накануне проведения допроса). Кроме того, по нашему мнению, необходимо законодательно закрепить, что целесообразность исполнения поручений следователя, за исключением поручений о производстве ОРМ, определяет начальник органа дознания. В результате этого с оперативных сотрудников будет снято бремя осуществления несвойственных функций, что позволит им более эффективно выполнять задачу выявления, пресечения и предотвращения экономических преступлений.

УДК 343.985

В.С. Гайдельцов

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ЗАКОНА – НАСУЩНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Практика оперативно-розыскного правоприменения и научные результаты теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) дают реальные возможности привести закон об ОРД в соответствие современным реалиям. Однако анализ принятого Палатой представителей Национального собрания в первом чтении закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» показывает, что существующие более 20 лет проблемы не только не разрешаются, но и дополняются новыми.

Закон даже не дает четкого ответа на вопрос, какова структура ОРД, из каких основных элементов она состоит. Нормы закона практически обеспечивают процесс по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ): определяют перечень и сущность ОРМ, основания и условия их осуществления, компетенцию субъектов по их реализации, порядок надзора и контроля и т. д. И только затем упомянуто, что ОРМ осуществляются при добровольном содействии лиц, гласном и негласном. Радикально смещены акценты, на первое место поставлен процесс осуществления ОРМ, что противоречит как теории ОРД, так и оперативной практике, в том числе и современной. Ведь львиную долю оперативно-розыскной информации, особенно первичной, мы получаем от лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД. Законопроект не учел названной проблемы.

Задачи ОРД по-прежнему излагаются в нарушение их значимости и логической взаимосвязи. Если исходить из Концепции национальной безопасности Республики Беларусь о том, что национальная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, то становится очевидным, что указанная в ст. 3 закона задача добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, как по объему, так и по значимости, должна быть перемещена на первое место. Все же остальные задачи есть не что иное, как частные случаи, производные от нее. В новый закон явочным порядком в качестве первоочередной задачи возвращается категория раскрытия преступлений, которая как задача ОРД себя скомпрометировала, так как нередко приводила к злоупотреблениям в практике ОРД, о чем в свое время было достаточно много написано.

Представляется исключительно важной еще одна проблема, связанная с тем, что вводимое в закон понятие негласности неконкретно. С точки зрения методологии понятие негласности носит именно системообразующий характер. Авторы проекта употребили категорию негласности более чем в 10 статьях закона, причем каждый раз в новом значении. В ст. 9 авторы зафиксировали, что при негласном проведении ОРМ должностное лицо органа, осуществляющего ОРД (лицо, непосредственно участвующее в ОРМ), скрывает от гражданина, в отношении которого оно проводится, факт проведения данного мероприятия и свою принадлежность к органу, осуществляющему ОРД (свое участие в ОРМ). Получается, что если оперативный работник не представился объекту заинтересованности или неверно указал свою ведомственную принадлежность – вся его работа тут же стала негласной. Работа с привлеченным к содействию лицом будет негласной, если сотрудники ОВД ему также не объясняют суть предстоящей деятельности и скрывают свои данные?

Авторы проекта, конечно же, не могли объективно опереться в определении феномена негласности на серьезные научные разработки, поскольку на уровне монографии эта проблема практически не рассматривалась. При таком положении дел требовалась предметная научная дискуссия с участием широкого круга ученых.

Правовая уникальность ОРД заключается в предоставлении соответствующим органам права осуществлять ОРМ, в ходе которых получают информацию тайно (негласно) от лиц, ею располагающих. В этом существе ОРД как разновидности деятельности юридической, т. е. разрешенной, регулируемой законодателем и влекущей правовые последствия. Негласный ее характер определяется с юридической точки зрения тем, что мы стремимся получить необходимую информацию помимо

волеизъявления ее собственника (или владельца). Дефиниция негласности дает нам возможность из перечня ОРМ выделить те, которые ограничивают конституционные права и свободы граждан и поэтому нуждаются в особой процессуальной регламентации.

С ее помощью мы имеем возможность выделить особенности оперативно-розыскных правоотношений. Иными словами, поставить вопрос о реальном формировании новой отрасли – оперативно-розыском законодательстве со своим предметом и методом правового регулирования.

Единое правовое понимание негласности даст нам возможность, наконец, объяснить юридическую сущность содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, ее место и роль в процессе проведения ОРМ, в частности и при осуществлении ОРД в целом.

В новом законе предпринимаются попытки ограничить возможности оперативных работников по получению информации даже в сравнении уже с действующей редакцией.

Так, вводится новое ОРМ – оперативный опрос (ст. 19), под которым понимается целенаправленная беседа с гражданином, в том числе с использованием сети электросвязи, проводимая в целях получения информации, необходимой для решения задач ОРД. Оно должно заменить действующее ОРМ «опрос», под которым понимается «действие, направленное на получение со слов опрашиваемого лица информации, имеющей значение для решения задач ОРД. Если учесть, что различают опросы письменные (анкетирование) и устные (интервьюирование), очные и заочные (почтовые, телефонные, пресовые), экспертные и массовые, выборочные и сплошные, общенациональные, региональные, локальные и др., то предлагаемая новация не может быть истолкована иначе как ограничение полномочий оперативного работника.

Многие положения закона без достаточных оснований дублируют положения других уже действующих нормативных правовых актов, что противоречит требованиям юридической техники.

Представляется, что даже изложенных соображений достаточно, тем более с учетом возвращения закона для доработки, чтобы рекомендовать проведение по его содержанию представительной научно-практической конференции, которая, без сомнения, даст законодателю обширнейший материал для действенного совершенствования оперативно-розыского законодательства в целом и анализируемого закона в частности.

УДК 343.985

С.А. Горшенков

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОВОДОВ И ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ КОНФИДЕНТОВ И ИХ БЛИЗКИХ

В предыдущих публикациях нами высказывалось предложение о законодательном закреплении мер по обеспечению безопасности конфидентов, их близких и имущества. Вместе с тем особое назначение мер по обеспечению безопасности в ОРД предопределяет высокую значимость четкой и строгой правовой регламентации оснований и условий их применения, однако в настоящее время в законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствуют нормы, их регламентирующие. Вместе с тем их определение и законодательное закрепление имеет существенное значение для правильного применения мер по обеспечению безопасности конфидентов.

В философском понимании основание – это предпосылка существования каких-либо явлений (следствий), служащее их обоснованием. В отличие от основания, непосредственно порождающего то или иное явление или процесс, условие составляет ту обстановку, в которой то или иное явление или процесс возникают, существуют, развиваются.

В этой связи справедливо утверждение М.В. Смирнова, что основания и условия – это предпосылки существования какого-либо явления или действия, при этом основания делают его необходимым, а условия определяют возможность его существования, поэтому можно полагать, что основания и условия неразрывно взаимосвязаны.

Таким образом, учитывая то, что условия определяют возможность существования какого-либо явления, применение закрепленных в законе соответствующих мер по обеспечению безопасности должно основываться на таких условиях, как наличие факта оказания содействия ОВД лицом, в отношении которого применяются меры по обеспечению безопасности, а также наличие предусмотренных законом поводов и оснований применения и отмены соответствующих мер.

В настоящее время основание применения мер по обеспечению безопасности наиболее детально закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве и касается обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Так, в соответствии со ст. 65 УПК Республики Беларусь орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения и повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества. Проведенное нами исследование возникающих угроз в отношении конфидентов, их близких и имущества, позволяет констатировать справедливость данного основания и для нашего предмета исследования, за исключением того, что решение о применении той или иной меры по обеспечению безопасности должно приниматься должностными лицами оперативных подразделений ОВД как основных субъектов осуществления защиты.

Следует особо отметить, что применение не всех мер по обеспечению безопасности может в полной мере подпадать под указанное выше основание. В соответствии со ст. 14 закона Республики Беларусь «О государственных секретах» сведения о гражданах, сотрудничающих (сотрудничавших) на конфиденциальной основе с органами ОРД, а также о штатных негласных сотрудниках и сотрудниках этих органов, в том числе внедренных в организованные группы, выполняющих (выполнявших) специальные задания, относятся к государственным секретам. В этой связи применение в отношении лица,